

То было утро, укрытое ковром палой листвы и пропитанное едва уловимым ароматом ночной росы. Именно тогда Цао Цао встретил человека, которого не сможет забыть до конца своих дней — Го Фэнсяо, дерзкого юношу из Инчуани, пришедшего вслед за Сюнь Юем.

Цао Цао, всегда обладавший исключительным чутьём на таланты, в то самое мгновение, когда Сюнь Юй представил ему гостя, ощутил необъяснимое спокойствие. Какое-то сверхъестественное предчувствие шепнуло ему: этот человек — само провидение, ниспосланное, чтобы воздвигнуть фундамент его великих свершений.

Они уселись друг против друга, и Цао Цао, не скрывая удовольствия, заговорил:

— Я давно слышал о твоём выдающемся уме, Фэнсяо. То, что ты решил прийти под моё начало — величайшая удача для меня!

Сюнь Юй уже не впервые слышал, как Цао Цао именовал себя «Гу», подчеркивая своё высокое положение. И всякий раз сердце его невольно вздрагивало, хотя разум и твердил, что в нынешнем статусе господина это вполне естественно.

Го Цзя ответил небрежной, почти вызывающей улыбкой:

— Я же полагаю, что лишь в служении вам, генерал, мой талант сможет раскрыться в полной мере.

— Превосходно! — Цао Цао разразился раскатистым смехом и, пристально глядя собеседнику в глаза, продолжил: — Скажи мне, что для советника важнее всего?

Ни секунды не колеблясь, Го Цзя отозвался, и слова его потекли плавно, точно ручей:

— Долг советника — ковать победу в тиши шатров, предрешая исход сражений за тысячи ли. Сунь-цзы говорил: «Война не имеет постоянного облика, как вода не имеет постоянной формы». Тот, кто способен побеждать, меняясь в такт движениям врага, подобен божеству. Военные каноны — лишь порог, истинное же величие советника кроется в его находчивости и умении мгновенно подстраиваться под обстоятельства.

Цао Цао одобрительно хлопнул в ладоши.

— Тогда ответь: каково нынешнее положение дел в Поднебесной и что мне следует предпринять?

Го Цзя смотрел прямо и уверенно.

— Ваша главная угроза — Юань Шао, но сейчас он по рукам и ногам связан войной с Гунсунь

Цзанем. Полагаю, вам следует воспользоваться моментом и сокрушить Люй Фэнсяня. Это не только умножит вашу мощь, но и избавит от удара в спину, когда наступит время решающей схватки с Юанем.

Цао Цао выглядел всё более восторженным. Едва Го Цзя умолк, господин обернулся к Сюнь Юю:

— Вэньжо, ты снова нашёл для меня сокровище! — Он указал на Го Цзя: — Отныне Фэнсяо — мой Военный советник-цзицзю при Сикуне.

Когда после недолгой беседы Го Цзя покинул поместье, Цао Цао крепко сжал руку Сюнь Юя:

— Вэньжо, именно этот человек поможет мне свершить великое дело! Клянусь, он мне по сердцу!

Сюнь Юй мягко улыбнулся, сохраняя привычную скромность:

— Поздравляю вас с обретением столь достойного мужа, господин. Позвольте мне проводить его.

— Ступай скорее.

Выйдя за ворота, Сюнь Юй застал друга на том же месте.

— Я написал тебе ещё на рассвете, — укоризненно произнёс он. — Почему ты пришёл только сейчас? Господин Цао извёлся в ожидании, но, к счастью, ты оправдал его надежды.

Го Цзя, чей облик дышал вольнодумством и пренебрежением к условностям, внезапно приобнял Сюнь Юя за плечи.

— Вэньжо, друг мой, ты не представляешь, как я рад! Генерал Цао... он и впрямь мой истинный господин!

Сюнь Юй, которому от такой хватки стало трудно дышать, слегка отстранился.

— Шесть лет разлуки, а ты всё тот же. Ни капли не изменился.

— Ха-ха! И ты всё такой же зануда. Вэньжо, мне так легко на душе! Идём, выпьем! Сегодня мы обязаны перепить друг друга!

— Эй! Полегче!

Увлекаемый за собой, Сюнь Юй спотыкался, понимая, что попойки не избежать. Он оглянулся на поместье Цао и мысленно выругался: «Зачем только я вызвался провожать этого безумца...»

Ночь пролетела в звоне чаш и бесконечных тостах. Где-то между хмелем и пробуждением Сюнь Юй потерял счёт часам. Он давно не позволял себе такой расслабленности. Ему никогда не стать похожим на Го Цзя — вольного странника, летящего по жизни подобно ветру, не знающего забот. Лишь в глубоком опьянении Сюнь Юй мог сбросить маску степенности и осторожности. Он слишком долго нёс это бремя — почему бы не поддаться мимолётному веселью?

***

На обратном пути из уезда Лян в Уезд Сюй Цао Цао, уверенно держась в седле, громко обратился к сопровождавшим его братьям Сяхоу и Чэн Чжундэ:

— А я-то думал, нам предстоит тяжёлая битва с Ян Фэном. Оказалось, он лишь с виду грозен. Пара ударов — и он уже бежит на юг, под крыло Юань Шао.

Услышав это, Сюй Чу картинно надулся:

— Господин, вы бы лучше сказали, что это мы — молодцы, сражаться умеем!

Раздался дружный хохот. Цао Цао хлопнул Сюй Чу по широкой спине:

— Чжункан прав, вы у меня — лучшие!

Сюнь Юй, оставшийся присматривать за столицей, никак не ожидал, что поход, начатый в октябре, завершится уже к началу ноября. Если вычесть время на дорогу, сражения длились считанные дни. Впрочем, возвращение господина в добром здравии было лучшей из новостей. Облачившись в парадные одежды, Сюнь Юй вместе с Цао Пи и другими приближёнными отправился к городским воротам.

Когда пыль над наступающим войском показалась вдали, Цао Цао сразу заметил знакомые фигуры.

— Вэньжо?

— Неужели господин узнал его с такого расстояния? — ожидаемо подал голос Сюй Чу.

Цао Цао усмехнулся:

— Если бы кто-то из вас стоял там, я бы узнал любого. А если вздумаете обвинить меня в пристрастности — идите и проверьте сами.

Ноябрь принёс с собой лютые холода. Пронизывающий северный ветер гулял по равнинам Юйчжоу. Сюнь Юй и Цао Цзыхуань застыли у ворот — прямые, торжественные, их широкие рукава неистово бились на ветру, создавая образ сурового и печального величия.

Едва всадники приблизились, оба склонились в глубоком, исполненном почтения поклоне. Цао Цао спешил и знаком велел им подняться.

— К чему эти церемонии в такой мороз? — Он по очереди сжал их ледяные ладони и нахмурился: — Не стойте столбом, живо в карету! Поговорим в поместье, не хватало ещё, чтобы вы простудились.

— Слушаемся.

Картина была идиллической: милостивый правитель, преданные вассалы и почтительный сын. Наверное, именно в таких мелочах и куётся истинная преданность.

Цао Ан, следовавший в строю, заметил младшего брата и ободряюще подмигнул ему, безмолвно хваля за выдержку. Распорядившись, чтобы он и братья Сяхоу отвели войска в лагерь, Цао Цао в сопровождении Сюнь Юя, Цао Пи и Чэн Юя вернулся в Поместье Цао.

Почувствовав, что его долг исполнен, Цао Пи откланялся старшим и удалился. Чэн Юй, глядя ему вслед, заметил:

— Великое счастье для господина иметь столь добродетельного сына.

Цао Цао лишь улыбнулся, не проронив ни слова. Усадив гостей в главном зале, он спросил:

— Вэньжо, пока я был в походе, не случилось ли чего важного?

Потирая замерзшие руки, Сюнь Юй ответил:

— Вы, должно быть, уже слышали: Люй Бу захватил Сяпи.

Цао Цао велел слугам подвинуть жаровню ближе к Сюнь Юю.

— Да, донесли в дороге. Кажется, это были земли Лю Сюаньдэ?

— Верно. Лю Бэю теперь некуда податься. Несколько дней назад он прибыл к нам и просит

вашего покровительства.

— Чжундэ, что скажешь?

Чэн Юй негромко откашлялся:

— По-моему, Лю Бэй — человек выдающихся способностей, умеющий располагать к себе людей. Он никогда не смирится с ролью подчинённого. Рано или поздно он станет угрозой вашему величию. Лучше устранить его сейчас, пока есть возможность.

Сюнь Юй только собрался возразить, но Цао Цао жестом велел ему молчать.

— Не смирится с ролью подчинённого? — Цао Цао прищурился. — Юань Шао тоже не желал уступать. Стоило мне стать Сикунгом и генералом колесниц и конницы, как он тут же вытребовал себе титул Великого генерала.

Чэн Юй со вздохом покачал головой:

— Как можно сравнивать их? Их таланты несоизмеримы.

— Продолжай.

— Лю Бэй кажется неудачником, вечно кочующим от одного покровителя к другому, но всякий раз он чудом выбирается из безнадёжных переделок. Неважно, везение это или умение быстро бегать — в нём есть нечто исключительное. Помните, господин: великий муж умеет гнуться и распрямляться. Лю Бэй лишь копит силы, чтобы однажды взмыть в небо!

— В твоих словах есть смысл. Однако сейчас время собирать под своё начало героев Поднебесной. Как я могу из-за одного человека оттолкнуть от себя всех достойных мужей империи?

Услышав это, Сюнь Юй облегчённо выдохнул.

— Господин, я понимаю ваши опасения, — настаивал Чэн Юй. — Но если не избавиться от него сейчас, последствия могут быть непоправимыми.

Зал погрузился в тягостное молчание. Никто не мог предложить безупречного решения. Наконец Сюнь Юй осторожно произнёс:

— Может быть, стоит принять его с почётом, а дальше действовать по обстоятельствам?

Цао Цао потёр виски.

— Пусть будет так. Вэньжо, позже пошли Фэнсяо ко мне.

В частных беседах с Сюнь Юем Цао Цао по привычке всё ещё называл себя «я», оставляя холодное «Гу» для официальных приёмов.

Сюнь Юй понимал: вопрос крайне сложный, раз господин решил посоветоваться ещё и с Го Цзя.

— Хорошо, я найду его.

***

Вечером новый советник Цао Цао, в своём неизменном небрежном виде, вошёл в покои господина, на ходу согревая руки дыханием. Едва усевшись, он даже не спросил о цели вызова, а просто придвинул стул поближе к жаровне. Цао Цао не возражал — он уже привык к вольному нраву своего Цзицзю. Дождавшись, пока тот перестанет дрожать от холода, он спросил:

— Фэнсяо, Вэньжо наверняка уже рассказал тебе о Лю Сюаньдэ?

— Слышал. Хотите знать, как с ним поступить?

— Да. Человек он непростой.

Го Цзя на мгновение задумался, и лицо его стало серьёзным:

— Этот человек явно не из тех, кто будет вечно служить другому, а его замыслы глубоки и непостижимы. Древние говорили: «Дашь врагу волю на день — наживёшь беду на поколения». Казалось бы, стоит действовать на опережение. С другой стороны, он пришёл к вам в час нужды, и на него смотрит вся Поднебесная. Если вы убьёте его, то надежды всех талантов империи на ваше милосердие обратятся в прах. Это было бы неблагоприятно.

На этом Го Цзя замолчал. Цао Цао знал: больше из него не вытянешь ни слова.

— Я понял, — отозвался он.

На душе у Цао Цао стало скверно. Го Цзя, обычно выражавшийся предельно ясно, на сей раз высказался туманно. Позже станет ясно: именно эта недосказанность позволила Лю Бэю ускользнуть, что в итоге привело к разделению Поднебесной на три царства.

Го Цзя, заметив муки господина, потихоньку выскользнул из комнаты. В делах, где нет единственно верного пути, лишние слова лишь сужают пространство для маневра. Не лучше ли отправиться к Сюнь Юю и выпить? Спрятав руки в рукава, Го Цзя сощурился, и в его улыбке промелькнуло нечто лисье.

Жизнь — это вечная смесь радости и тревог. Зачем изнурять себя тем, чего нельзя постичь? У побед и поражений есть свой черёд, а силы человеческие не беспредельны. Если на сердце тяжело — пусть Дукан развеет печаль. Только в хмельном забытии обретается покой.

Наверное, именно этот склад ума позволял Го Цзя идти на самый отчаянный риск и стяжать славу человека, чьи планы никогда не знают неудач.

<http://bllate.org/book/17368/1693922>